

М.А. Косарик

**У истоков идей проблематики дискурса и функциональной грамматики.
Первые описания языков Бразилии и Индии
(Аншьета 1595, Фигейра 1621, Эштеван 1640),
первая грамматика португальского языка
как иностранного (Перейра 1672)**

Аннотация: Обращение к Грамматикам XVI–XVII вв. позволяет проанализировать базовые языковые принципы, реализуемые в процессе общения, и вычленил ряд ключевых идей, которые представлены в функциональных грамматиках XX–XXI вв. В центре внимания авторов синтаксис, семантика, прагматика, что позволяет анализировать языковые процессы не на уровне отдельного предложения, но обратиться к принципам построения диалога. Аншьета, Фигейра, Эштеван и Перейра сосредоточивались на когерентности, выразительности речи, дискурсивных маркерах, фатических и аллокутивных элементах.

Ключевые слова: история лингвистики, лингвистическая историография, миссионерские грамматики, исследования дискурса, функциональная грамматика, преподавание языка

Abstract: Those of the 16–17th c. grammars that are supposed to teach language for communication purposes pay attention to discourse phenomena and, in a way, anticipate some of the crucial ideas that appeared in the 20–21th c. functional grammars. They focus on syntax, semantics, pragmatics, going beyond the level of separate sentence onto the principles of building dialogue. Anchieta, Figueira, Estêvão and Pereira write on coherence, expressivity of speech, discourse markers, phatic and allocutive elements.

Key words: history of linguistics, linguistic historiography, missionary grammars, discourse studies, functional grammar studies, language teaching

**ЗАРОЖДЕНИЕ ВНИМАНИЯ
К ДИСКУРСУ В XVI–XVII ВВ. – ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ**

Изучение лингвистической мысли эпохи, предшествующей грамматике Пор-Рояля, выявляет огромную роль этого периода в истории языкознания: в разработке проблематики нормы, описании всех уровней языковой системы, утверждении идей универсальной грамматики, зарождении представлений об исторических изменениях в языке, становлении современных принципов лингводидактики, что позволяет определить этот период как один из ключевых этапов становления лингви-

стики как зрелой науки – к такой оценке подводит анализ португальских сочинений указанной эпохи [Косарик 1995, 1998, 2000, 2013b, c; Kosarik 2015; Kossarik 2002a, b, 2003, 2016]. Необходимо, однако, остановиться еще на одном аспекте лингвистических сочинений XVI–XVII вв., до сих пор остающемся практически вне поля зрения историков языкознания. Эта проблематика впервые появляется в миссионерских грамматиках эпохи Великих географических открытий.

Традиционно миссионерские описания «экзотических» языков (языков новооткрытых территорий) рассматриваются с двух взаимосвязанных точек зрения: с позиций их вклада в развитие универсальной грамматики и становления лингвистической типологии. В этом отношении вклад миссионерской лингвистики вполне оценен историками науки. Однако не меньший интерес эти сочинения представляют в связи с уяснением истоков проблематики дискурса, функциональной коммуникативной грамматики¹. Этот аспект почти не привлекал внимания историографов, как пишет О. Звартъес, один из ведущих исследователей памятников миссионерской лингвистики: «Stylistic and pragmatic aspects. Important studies appeared that are related to the phenomenon of topicalisation in Philippine and Chamorro languages [Ridruejo 2007b; Winkler 2007, respectively]. Winkler sees these descriptions as “functional grammar” avant la lettre <...> we can add another category, the study of discourse markers in missionary grammars, which has not been the specific topic of any publications, with the one exception of Hernández Sacristán (2000), who analysed discourse markers in Nahuatl [Zwartjes 2012: 203]».

Заметим, правда, что на материале памятников португальских авторов эта тематика затрагивалась в работах автора данной статьи [Косарик 2015; Kossarik 2001: 305–311; Kossarik 2003: 137–143], но она, безусловно, заслуживает более пристального изучения.

Миссионеры, в частности, португальские авторы первых описаний языков тупи [Anchieta 1595; Figueira 1621] и конкани² [Estêvão 1640], безусловно стоят у истоков функциональной лингвистики. Одним из ключевых слов в оценке важности этих сочинений для становления идей универсальной и функциональной лингвистики, является понятие «функциональности», связанной с задачами обучения живому языку в целях успешной коммуникации в самых разнообразных ситуациях реального общения. Примечательно, что в этом отношении с миссионерскими грамматиками «экзотических» языков сближается написанная на латыни первая грамматика португальского языка для иностранцев [Pereira 1672]. Разумеется, речь не идет о теоретической разработке этих вопросов авторами XVI–XVII вв. – португальские грамматисты касаются их на эмпирическом уровне, однако в ходе описания различных языков им удалось нащупать некоторые важные аспекты проблематики, которая приобретает актуальность лишь в лингвистике XX в.

Хотя некоторые аспекты дискурса представлены уже в античной традиции (у Аполлония Дискола, в латинском грамматическом каноне при описании частей речи – классификации наречий и междометий), в дальнейшем внимание к проблемам коммуникации было надолго утрачено. В ренессансных описаниях народных языков, латыни, древнееврейского решались многие другие задачи, но функциональ-

¹ В данной статье не затрагивается проблема соотношения дискурса, функциональной грамматики, коммуникативной грамматики, к которой вообще не могли обращаться авторы XVI–XVII вв. Цель статьи состоит в том, чтобы показать, как зарождается внимание к этой тематике и какое она находит отражение в практике лингвистического описания в некоторых типах ранних грамматик.

² Или *canarim*, как обозначает этот язык Эштеван, автор первой его грамматики.

но-коммуникативная проблематика не являлась предметом специального рассмотрения вплоть до появления миссионерских сочинений. Подчеркнем, что эта инновация лингвистики XVI–XVII вв. представлена лишь в сочинениях определенного типа – в грамматиках, создававшихся для обучения иностранному языку в практических целях. Прежде всего это были миссионерские грамматики. В сочинениях португальских авторов наибольшее внимание к различным аспектам дискурса мы находим в грамматиках Фигейры и Эштевана, но оно присутствует также и в грамматиках Аншьеты и Б. Перейры.

Появление этой проблематики в этих памятниках абсолютно закономерно: оно определяется целями их авторов независимо от описываемого языка. Указанные произведения – первые в португальской грамматической традиции описания языка, созданные именно с целью обучения успешной коммуникации на живом иностранном языке. Повторим, что авторы рассматриваемой эпохи, разумеется, не ставили перед собой задачи изучения теоретических аспектов дискурса, ставшей актуальной лишь в современной лингвистике.

Отметим, что создатели первых грамматик португальского языка, Оливейра [Oliveira 1536] и Барруш [Barros 1540], специального внимания коммуникативно-функциональному аспекту не уделяют. Барруш, правда, представляет вполне традиционную классификацию наречий, среди которых видим наречия *de afirmár, negár, duvidár, demonstrár, chamár, desejár, ordenár, preguntár, iurár*¹, однако их употребление автор иллюстрирует минимальным количеством примеров [Barros 1540: 28v–29], что очень отличает, как будет показано ниже, грамматику Барруша от сочинения Б. Перейры. Невнимание Оливейры и Барруша к коммуникативно-функциональной проблематике вполне объяснимо: сочинения, представляющие португальскую грамматическую систему в целях кодификации и апологии формирующегося национального литературного языка, были адресованы прежде всего его носителям, не нуждавшимся в специальном обучении практике коммуникации на родном языке.

Не требовали решения этих вопросов и описания латыни. Хотя латинский и служил в течение нескольких веков средством общения, в том числе и устного (в церковной и теологической сферах, в судебном, медицинском, научном сообществах), это общение имело место в определенных, достаточно специфических ситуациях. У такой коммуникации были особые черты, отличавшие ее от большинства других коммуникативных ситуаций: тематическую ограниченность содержания речи; ограниченный социальный слой коммуникантов; особый характер используемых языковых средств, которые осваивались в ходе изучения латыни и соответствующих текстов с сугубо профессиональными целями для употребления в указанных коммуникативно ограниченных ситуациях. Строго регламентированная, клишированная речь в этих случаях характеризовалась значительно меньшей спонтанностью, чем в большинстве других коммуникативных ситуаций. Сами авторы ренессансных латинских грамматик уже вполне осознавали, что латынь перестала быть средством реальной полноценной коммуникации: «...a arte mais he pera o entendimêto do Latim que se acha nos bõs authores, que não pera o escrever, nem fallar [Sánchez 2008: 6r.] O que importa mais he entêdello, & escrevello per imitação, como fizeram homêns doctissimos de nossos tempos, ã nunca, ou de maravilha o fallavão [Sánchez 2008: 7v.].

Совершенно другие типы коммуникативных ситуаций предполагала речь на живом языке, родном или иностранном. Эта тематика, еще не привлекавшая, как отме-

¹ Утверждения, отрицания, сомнения, указания, обращения, пожелания, приказания, вопроса, клятвы.

чалось выше, внимания авторов грамматик народного языка, оказалась важной для грамматик иностранных языков, создававшихся для тех, кому было необходимо научиться на них общаться. Очевидно, впервые особое внимание к этой проблематике мы находим в миссионерских грамматиках. Перед миссионерами встала задача адекватного общения с новой паствой, и авторы грамматик «экзотических» языков предназначали их своим коллегам, которые должны были говорить на описываемом языке, причем коммуникация должна была быть успешной в максимально широком спектре реальных речевых ситуаций и предполагала владение языком повседневного общения, что требовало знания не только языковой системы (фонетики, грамматики, лексики), но и максимально широкого спектра дискурсивных средств. Вполне естественно, что именно миссионеры уделяют наибольшее внимание проблематике дискурса, ведь цель их описаний радикально отличалась от целей описаний, фиксирующих норму, кодифицирующих народный язык в грамматиках, адресованных носителям языка, и уж тем более от целей учебных описаний латыни. Авторы миссионерских грамматик должны были решать двоякую задачу: изучение только грамматической системы еще не обеспечивало успешной коммуникации, грамматики должны были представить различные функциональные возможности системы в реальной речи – отсюда внимание миссионеров к широкому спектру вопросов прагматики, к различным дискурсивным средствам.

Специфика миссионерских грамматик была обусловлена социолингвистическим и социокультурным контекстом эпохи, определявшим расширение задач грамматического описания: Великими географическими открытиями, в которых ренессансная Португалия сыграла ключевую роль, и связанной с ними колонизацией новых территорий, поставившей задачу евангелизации населения новооткрытых земель. Разнообразные и многогранные контакты с новыми племенами и народами, с которыми столкнулись европейцы, привели к огромному расширению предмета лингвистического описания, требовавшего изучения огромного множества новых языков, что весьма содействовало утверждению идей универсальной грамматики.

Серьезная подготовка миссионеров, в частности иезуитов (знание латинской грамматической традиции, логики и, очевидно, ренессансных грамматик народных языков), создавала лингвистическую базу для описания языков, зачастую весьма отличных от языков, дотоле известных европейцам, на основе античного грамматического канона, с позиций универсальной грамматики. В португальской лингвистике этот опыт был получен в ходе кодификации родного языка Оливейрой и Баррушем, а также описания древнееврейского [Tavora 1566]. Кроме того, возникла необходимость решения еще одной задачи в лингвистическом описании – обучения речи в самых разных ситуациях, требовавших успешной коммуникации. Эта задача оказывается актуальной не только для миссионеров, но и для автора грамматики нового типа – португальского языка как иностранного.

В этих сочинениях, и прежде всего именно в миссионерских грамматиках, мы видим необычайное для рассматриваемой эпохи внимание к проблематике дискурса, далеко выходящее за рамки обращения к этой теме в античных грамматиках и в описаниях народных языков, следующих античному канону.

МЕСТО ВОПРОСОВ ДИСКУРСА В ГРАММАТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ – МОДИФИКАЦИИ КАНОНА

В миссионерских сочинениях мы видим значительные изменения канона грамматического описания. Модификации канона, свойственные не только миссионерским грамматикам¹, были связаны с разными причинами. Прежде всего, все грамматики рассматриваемой эпохи, представляющие языки, отличные от латыни, вносят определенные изменения в канон грамматического описания уже в силу особенностей конкретного описываемого языка, – например, представление падежа имени или глагольного времени, наклонения, залога как категорий частных (морфологических) или универсальных. Неизбежно ведет к отходу от канона изменение задач грамматического описания. В большой степени характер описания определяется адресатом – является ли он носителем описываемого языка или этот язык для него иностранный; степенью подготовки адресата – идет ли речь о начинающем ученике или о лингвистически подготовленном читателе. Очень существенное влияние на степень изменения канона оказывают цели грамматического описания. Так, при описании национального языка весьма заметны различия между грамматиками, написанными исходя из задач собственно кодификации формирующегося национального языка или для доказательства его близости к латыни. Это особенно заметно при сопоставлении грамматик Оливейры и Барруша. Грамматика Оливейры, цель которого состоит в скрупулезной фиксации форм родного языка, значительно отходит от античной модели грамматического описания. Барруш же, сквозной мыслью которого является необходимость доказательства близости португальского языка к латыни, строго следует канону. Эти различия первых двух португальских грамматик, связанные с разными позициями их авторов в защите родного языка, определили зарождение двух типов грамматик: частных, к которым тяготеет грамматика Оливейры, и универсальных, черты которых мы находим в сочинении Барруша [Косарик 1998, 2013b; Kossarik 2002a: 32–36; Kossarik 2002b: 192–194; Kossarik 2003: 121–128]. Существенно варьирует степень следования канону и в грамматиках латыни (Соузы, Алвареша, Робореду, Ф. Перейры, Б. Перейры) в зависимости от задач и адресата грамматик.

С появлением миссионерских грамматик мы видим изменения канона, которые определяются новой задачей – не только представлением языковой системы и ее функционированием, реализацией в конкретных языковых формах, конструкциях, предложениях, но и необходимостью представить средства языковой системы, служащие для обеспечения коммуникации. Как показывает первая грамматика португальского языка для иностранцев Б. Перейры, эта задача встанет и перед авторами учебных описаний не только «экзотических», но и европейских языков.

Миссионерские описания лежат в русле универсальных грамматик: без описания, идущего от смысла к форме, невозможно было бы представление «экзотических» языков на основе античного канона (и это сближает миссионерские грамматики с сочинениями Барруша, Робореду, Ф. Перейры, Таворы). Однако не менее важным оказывается и другой подход – наметившийся именно в миссионерских сочинениях принцип коммуникативно-функциональных грамматик. Эти подходы не кажутся противопоставленными. Универсализм проявляется не только в описании в соответствии с античным канонам самой грамматической системы «эк-

¹ Именно эти изменения определили некоторые важные особенности грамматик Оливейры, Барруша, Б. Перейры, Соузы [Sousa 1535], Алвареша [Álvares 1572], Робореду [Roboredo 1619; Roboredo 1625], Ф. Перейры [Pereira 1643], Таворы.

зотических» языков (частей речи и их категорий), но и в представлении функционирования этой системы в речи. Анализ миссионерских лингвистических сочинений позволяет увидеть, как в рамках универсалистских грамматик, создающихся с целью обучения реальному общению на описываемом языке, намечаются, «прорастают» черты функциональной грамматики. Это определяет трансформации канона: миссионерские грамматики представляют не просто схематичное, формализованное, строго структурированное описание уровней языка, частей речи и их категорий как центральный (и единственный) объект грамматического описания, но, исходя из задач коммуникации, показывают, наряду со средствами выражения собственно грамматических значений, также средства коммуникативно-дискурсивные, которые не вытекают непосредственно из описания собственно грамматической системы. Именно универсализм – необходимость описания, идущего от семантики, функций, к формам и конструкциям конкретного языка, – подталкивал авторов миссионерских грамматик к выявлению и демонстрации дискурсивных средств, свойственных описываемым языкам.

Все это оказывало влияние на структуру грамматического описания. Португальские авторы выделяют группы слов, обладающих дискурсивными функциями, и останавливаются на особенностях их употребления. Разные авторы обращаются к ним в различных частях грамматик.

Фигейра касается лишь в одной части своей грамматики вопросов прагматики и дискурса. Описывая наречия, междометия и союзы, он обращается в основном к тем из них, которые связаны с прагматикой. Классификация наречий у Фигейры отражает значительные изменения канона. Вслед за подробным описанием «“Adverbios de tempo” e “Adverbios de lugar”, que “respondem a perguntas”»¹ [Figueira 1621: 69–72], грамматист представляет группу «“De outros adverbios absolutos, que não respondem a perguntas”: “Interrogativos, Affirmativos, Negativos, Demonstrativos, Incitativos, Prohibitivos, Permissivos, Louvativos”»² – и отмечает: «Algũas conjunções tambem se põe adverbialmente»³; далее следуют их списки [Figueira 1621: 72–74]. Привлекает внимание классификация наречий, основанная на возможности / невозможности использоваться в ответах на вопросы, и выделение особой группы «других абсолютных наречий», употребление которых не связано с ответом на вопрос. Это свидетельствует о том, что автор XVII в. различает классы наречий с различными функциями: дескриптивной и коммуникативной. Функционально-коммуникативный подход Фигейры просматривается в классификации частей речи, когда он пишет о возможности использования одной части речи (союза) в функции другой (наречия). Фигейра также выделяет «algũas dições, que sos per si naõ significão; mas juntas a outras partes da oraçaõ, lhe daõ sentido differente»⁴; далее следует множество примеров, иллюстрации их употребления в речи, включая реплики из диалогов [Figueira 1621: 74v–80]. Таким образом, формально следуя традиционной классификации частей речи, Фигейра весьма ощутимо модифицирует канон грамматического описания.

У Эштевана нет специального раздела, посвященного вопросам дискурса, но эта проблематика широко представлена в различных частях его грамматики. На-

¹ «Наречий времени» и «Наречий места», которые «отвечают на вопросы».

² «О других абсолютных наречиях, которые не отвечают на вопросы: Интеррогативы, Аффирмативы, Негативы, Инцитативы, Прохибитивы, Пермиссивы, Лаудативы».

³ «Некоторые союзы используются также как наречия».

⁴ «Некоторые слова, которые сами по себе не означают, но [употребленные] вместе с другими частями речи другое значение».

пример, при описании вокатива, он приводит звательные частицы / междометия (у автора встречаются оба термина), поясняет особенности функционирования их в речи, причем задолго до раздела, посвященного самому междометию [Estêvão 1640: 16–16v]. Показательно также сознательное включение Эштеваном в описание императива, формы, используемой при выражении приказа и просьбы: автор пишет, что она не относится к императиву, но близка ему по значению и употреблению – еще один пример превалирования функционального подхода, ведущего к трансформации грамматического канона: «Quando se falla mandando com persuasã & rogos usaõ do futuro em, dus, em lugar de imperativo <...> isto be vejo ã naõ he propriamente imperativo, mas por ter com elle alguma semelhança, o pus neste lugar» [Estêvão 1640: 34v].

В большинстве случаев Эштеван обращается к проблематике дискурса в разделе «Syntaxis» [Estêvão 1640: 82v, 83–83v, 106–106v]. Расширенное понимание синтаксиса у Эштевана, нехарактерное для описываемой эпохи¹, возможно, свидетельствует о расширении предмета грамматического описания, о намечающемся осознании необходимости рассматривать в лингвистическом описании не только разные уровни языковой системы, но и функционирование языковых единиц в речи. Это предвосхищает понимание роли синтаксиса в формировании связной речи и предложения как коммуникативной единицы.

Анализ показывает, что некоторые трансформации грамматического канона в миссионерских сочинениях связаны именно с обращением к проблематике дискурса.

СОДЕРЖАНИЕ ВОПРОСОВ ДИСКУРСА В РАССМАТРИВАЕМУЮ ЭПОХУ

Рассмотрим теперь, к каким именно аспектам дискурса обращаются португальские авторы рассматриваемой эпохи.

Впечатляет количество и довольно широкий спектр дискурсивных средств, представленных в памятниках XVI–XVII вв., прежде всего в грамматиках Фигейры и Эштевана. Миссионерские грамматики отражают важные характеристики двух коммуникативных регистров речи: волюнтивного и реактивного, – представляя средства вербальной реакции, в которых проявляется иллюкативная сила.

Большое внимание уделяется организации диалогической речи. У Фигейры мы находим списки маркеров согласия, подтверждения: «[Adverbios] Affirmativos. Pá, Sim do homem somente. Hêhê, Sim, da molher, & tambem do homem. Anhê, l, Ayé, Anheraú, Assi he. <...> Anhereâ, l, anheracoreã, Dos homês somente. Assi he. Anhereĩ, l, Anheracoreĩ, Das molheres somente. Assi he. Emonà, Emonaraca. Dessa maneira» [Figueira 1621: 72v]; «Niã, he hũa confirmação do que se diz, ut Açoniã, Vado igitur» [Figueira 1621: 78], а также несогласия, недовольства: «[Adverbios] Negativos. Aàn, Aàni <...>, Não. Aanireá, Dos homês sos. Aani rĩ. Das molheres. Naõ he assi. Eám, l, Eámae, Naõ, das molheres sos. Erìma, Não. Absit. Aanangai, De nenhũa maneira, l, Aani. Aangatutenhé, De nenhũa maneira. Anheraupé, l, Manheraupê, He zõbaria» [Figueira 1621: 72v]; «Angaí, Negação, como dissemos, De nenhũa maneira. Ajuntase sempre com estoutra. Aáni, ut Aànangai, De nenhum modo: por nenhũa via. Ajũtase tambem a qualquer verbo negativo, ut Noçoangai, nunca elle foi, ou não foi ninguem. Naipotarangái, de nenhũa maneira quero» [Figueira 1621: 79v].

Эштеван, представляя союзы и междометия как части речи, приводит средства выражения согласия, подтверждения: «De athaua se uza tambem quando alguẽ vay

¹ Напомним, что этот раздел грамматики включал описание словосочетания.

dizendo algũa couza & o que ouve replica, & tornando lhe a dar rezaõ que lhe conten-
ta ou conversa, dis o que ouvia he α thouã, que quer dizer isso si, deste modo si. <...>
A aspiraçaõ hu, interdentales he de quem vay confirmando, & assentindo ao que se lhe
vay dizendo» [Estêvão 1640: 76–77].

В разделе Syntaxis приводит реплики-реакции, выражающие несогласие: «...o
que esta ouvindo a outrẽ algũa couza de \tilde{q} não gosta por ser ameassa, ou ronqua, ou quãdo
lhe responde cõ algũ de sabor, diz itulenchi $m\alpha$? any cai nã? tudo isto he o que tendes pera
fazer, ou dizer, não tendes mais nada» [Estêvão 1640: 83v].

Мы видим примеры маркеров окончания высказывания: «...quando hũ vai con-
tando algũa couza, acabando diz, itulenchi, anny cai nã, ou itulychi matu, ou itulochi
 $p\alpha$ icu, ou itulich i qhãbata, que vẽ formar o sentido da lingoagẽ tenho dito naõ tenho
mais que dizer» [Estêvão 1640: 83–83v], средства побуждения к высказыванию
(локутивному акту), в частности, вопросительные предложения: «Tari pronuncia-
do por sy so, depois de hũ ouvir algũa couza que outro vay dizendo lhe responde como
fahemos no latim cõ ergo ut tari tuca quite dissara? pois vos que cuidaveis: do qual tari
uzaõ tambem por sy so, quãdo algũa pessoa esta esperando por outra que foi saber de
algũa couza, aquelle depois de chegar lhe dis o \tilde{q} estava esperando tari? que he o mes-
mo que dizer; pois que temos? como passou? que vay por la?» [Estêvão 1640: 77–77v].

Автор грамматики конкани дает примеры знаков возвратной коммуникации,
или реплики-междометия, функция которых состоит в поддержании контакта:
«Ou, he de quẽ responde, a quẽ o chamaõ, ã, de quẽ responde perguntando, por naõ
ouvir, ou entender bem» [Estêvão 1640: 77v].

Миссионеры приводят маркеры модальных значений. В грамматике Фигейры
демонстрируются средства побуждения к действию, разрешения действия, выра-
жения просьбы, приказа, требования: «[Adverbios] Incitativos. Sing. Nẽi. Plur. Pẽi,
I, Penẽi. Hora fus, applicaivos. Keremé. Depressa fazei. Coritei, Depressa, çogo, Ainda
agora. Nẽibé, Outra vez tornai a fazer. Prohibitivos. Aujè, Aujeranhè, Basta já. Nanho,
Nanhoranhè, Basta. Aani, Aaniã, Isso não. Aanumè. Naõ seja assi. Eteumé, Guarte não
faças. Peteumé <...> plur. Não façais vos. Touneranhe, Esperemos mais <...>. Eitenheu-
mo <...>, Pera que não aconteça. <...> Teinhe, Deixa isso; cessa de fazer. [Adverbios]
Permissivos. Neĩ Aujebète, Seja embora. Yepê, Seja, mas de balde. Yepe aço, irei de-
balde. Teinhè, Deixao fazer» [Figueira 1621: 73–73v], или, напротив, запрещения
действия: «Notese que de duas maneiras mandamos a alguem que não faça algũa cousa
polo Imperativo, Eimonhangume, não façás, ou pola segunda pessoa do presente do
Indicativo, Nderemonhang-i; & este segundo modo tem força de ameaça, ou grande
cautella, significãdo haver grande perigo na cousa que se proibe, ut Guarte, não façás;
Nderemonháng-i. Nderári, guarte não cayas» [Figueira 1621: 50v–51].

Эштеван описывает средства побуждения к действию, выражения просьбы,
приказа, разрешения: «Quando se falla mandando com persuasaõ & rogos <...>, ut hie
velle tumi amacã raqhuche: hea vagta he tuue hati dhãru che, esta vez aveis de tomar
este negocio entre maõs (Estêvão 1640: 34 v). Quando na oraçaõ dizemos traxei outro
vinho, ou agoa, ou qualquer couza semelhante, se mandamos trazer mais alem doutro ja
trazido, ha se de uzar do adjectivo, anniyccu, i, α , & tambẽ de agallo, y, e, ou Choddu,
i, α , & adicu, i, α , inda que anniyccu, i, α , serve tambe pera dizer trazei doutra casta, ou
feixaõ, ou tambẽ para mandar trazer quando se bebeo o vinho, ou agoa, ou acabou algũa
outra couza, & se manda trazer de novo uzase de anniyccu, i, α » [Estêvão 1640: 82v].

Этот грамматист представляет средства отрицательной оценки деятельности
собеседника, призванной спровоцировать отказ от действия. Объяснение исполь-

зования с этой целью «аспирации» сопровождается демонстрацией артикуляторных и невербальных средств, служащих для выражения негативной оценки: «Esta aspiração ha se repete, duas, ou tres vezes juntas com ãmpito, contra aquelle que quer dar nourrê, ou fazer algũa couza mal feita, como reprehimento, & estranhandolhe o mal que quer fazer pera q̃ o naõ faça. A mesma aspiração, hũ, tambẽ entre dentes serve as vezes pera mostrar afastamento, & aborrecimento dalggũa couza que se lhe diz, ou faz» [Estêvão 1640: 77]; «...tari repetido se uza per modo de ronqua; quando hũ vay porfiando, & outro refutando, aquelle que parece vay de vencida, diz no cabo, com impeto tari, tari, q̃ he o mesmo q̃ dizer, vos que cuidaveis, que vos parecia?» [Estêvão 1640: 106–106v].

В миссионерских описаниях представлены средства придания речи экспрессивности. Фигейра пишет о формантах, которые дают «энергию некоторым словам», этой же цели служит и редупликация: «A, com til, ã, da ênergia a algũas palavras: ut Açoã, Eisme vou. Aãniã, Aãriã, isso não. Guarda. <...> Aúb, significa defeito, ou má vontade na acção. Açoaub, vou, mas de má vontade. Acepiacãúb, desejo ver, tenho saudades de alguem. <...> E se o verbo atraz se repete, tem mais força: ut Aço açoaub, folgo que vou <...> Quando se repete a dição, significa grande desejo. Açoauaub, vou com grande desejo, & pressa. <...> Çoer, Ndoer, Xoer. <...> significaõ a mesma frequencia na acção dalgũa pessoa. <...> A estas se ajunta tambem às vezes Ya, ou Yabì, & significação com muito mais efficacia, ut Denhemoyrondoeriabi, Sois mui pichoso e rabugento. Tambem Amanoçuer, quasi que ouvera de morrer. Aaríxuer, ouvera de cair quasi» [Figueira 1621: 74v–76].

Довольно широкий репертуар средств экспрессивности содержится в грамматике Эштевана. Автор подчеркивает роль редупликации местоимений как инструмента экспрессивности: «...uzaõ de dous Dativos que tẽ a mesma significação de hu, mas so tẽ mais algũ encarecimento, & efficacia no dizer, ut maca Padrica tu dy nãssi, ou maca Varacatu many nãssi, naõ fazeis cazo de mi que sou vosso pay» [Estêvão 1640: 23], приводит частицы, придающие экспрессивность утвердительным и отрицательным высказываниям: «A particula ,che, se acrescẽta ao cabo de algũa dição pera mayor emphasis, ut yecuchi huso naõ mais, cainchi nã, nada nada, fadhã vlaitachi assã, naõ faz senaõ falar. <...> Esta letra ,ĩ, se acrescẽta aos nomes, & pronomes, & significa nos affirmativos tambem, & nos negativos nẽ, ut Pedrui. Pedro tambem. A miĩ, nos tambẽ. Tucay. A ty tambem. Em negativo, yecui nã, nem hũ so; & por que esta particula tem algũa semelhança de, chi, easse de ter tento, q̃ naõ se troquem por que se muda o sentido; por que, yecuchi nã, quer dizer naõ ouve so .B. ouve mais que hũ, & yecui nã, quer dizer que nẽ hũ so ouve» [Estêvão 1640: 106v–107], пишет о конструкции с удвоением начальных слогов прилагательного, придающего особую экспрессивность при передаче значения уменьшительности: «Na nesta lingua deminutivos que se fazẽ de algũs adjectivos aos quaes redobrando as primeiras duas syllabas ficaõ diminutivos, ut dhaculo, y, ã, quer dizer couza piquena, & dakhu dhakuhlo, y, ã, quer dizer couza pequenina, tanulo, y, ã, quer dizer couza tenra de crianças, Tanutanulo, y, ã, quer dizer couza muito tenrinha, idulo, y, ã, quer dizer couza pequenina, iduidulo, y, ã, quer dizer couza muyto pequenina» [Estêvão 1640: 81v].

Грамматисты представляют маркеры отношения к собеседнику или к предмету речи – положительной или отрицательной оценки: «[Adverbios] Laudativos. Ycatú <...>, Muito bem. Matuetè <...> Estã muy bẽ feito. Yã, Yamurũ, Folgo que lhe aconteceo mal. Aeboê, Mui a proposito. <...> Naetè <...> Grandemente» [Figueira 1621:

73v–74]; «...tambem por desprezo, & fanfaronia [se uza quito, y, e], diz hũ ao outro, a que despreza, tu quito vlounca, & que sois vos pera falar» [Estêvão 1640: 82v–83].

Значительное внимание миссионерская лингвистика уделяет средствам социальной характеристики участников коммуникации. Примечательно, что миссионерские описания отражают различия этих характеристик в языках тупи и конкани. Грамматики языка индейцев Бразилии, находившихся к моменту открытия Бразилии португальцами на стадии родоплеменного строя, представляют гендерные и семейные различия коммуникантов. В отличие от этого автор грамматики одного из индоевропейских языков западной Индии, носители которого представляли гораздо более сложный социум, отражает использование в этом языке более разнообразных социальных характеристик.

Аншьета описывает варьирование в употреблении посессивов при обращениях в соответствии с различиями семейных отношений коммуникантов: «Algũs outros nomes ha que <...> tem subintellecto o adjectivo meus em todos os casos, ut Ai, minha mãy. O macho chama à irmã peĩ, guaupíra, minha irmã, e a minha sobrinha itô, titô, guaitô <...>, a irmã ao irmão, aĩ, guaitã <...>, o pai e mãi ao filho macho piã <...> Todos os mais maxime vocando nunca se poem sem o adjectivo meus, noster expresso, ut pai, mestre, tio, mãy, &c. xèrúb, xembocára, xètutir, xecíg, &c. <...> O senhor, o pay, o mestre, &c. fas, dizem, Acêjára, o senhor de homem, & não jára somente, senão quando de si mesmo são absolutos. <...> Isto ha lugar onde é como possessio rei, ut patet exemplis: meu senhor, meu mestre; porque onde isto não ha, absolute se poem como o ladrão, mondã, o mao, Angaipába, o fugidor, Canbêbóra» [Anchieta 1595: 14v–15].

Фигейра представляет средства передачи гендерных характеристик участников коммуникации, приводит как маркированные (допустимые в речи либо мужчин, либо женщин), так и немаркированные формы: «Todos os mais vocativos <...> se denotaõ com esta particula Gui, I, Gue, que he o mesmo, que O, no Portugues; <...> Xerubgué. As molheres porêm em lugar de Gui, ou Gué, dizem Iú, ou Ió, Xe cyg jú, ò minha mãy» [Figueira 1621: 6]; «[Adverbios] Affirmativos. Pá, Sim do homem somente. Hêhê, Sim, da molher, & tambem do homem. Anhè, I, Aié, Anheraú, Assi he. <...> Anhereã, I, Anheracoreã, Dos homês somente. Assi he. Anhereĩ, I, Anheracoreĩ, Das molheres somente. Assi he. Emonà, Emonàracó. Dessa maneira. [Adverbios] negativos. Aàn, Aàni <...>, Não. Aánireá, Dos homês sos. Aáni ri. Das molheres . Naõ he assi. Eám, I, Eámae, Naõ, das molheres sós. Eríma, Não. Absit. <...> De algũas dições, que sos per si naõ significão <...> Cà) Dos homês somente. Quig) das molheres sómente. Estas duas syllabas denotão resoluçaõ, ou determinaçaõ de fazer algũa cousa. Acò ca, Querome ir. Commumente se lhe ajunta dantes, Ne, ou Pe. Açone ca, Açopecã, diz o homem; Açonequig, diz a molher» [Figueira 1621: 72–75v].

Эштейван демонстрирует различия в использовании звательных частиц, соответствующих, помимо возрастных или гендерных характеристик, принадлежности коммуникантов к группам, находящимся на разных ступенях социальной лестницы: «Nõ: seja junta aos vocat. do Pl., ut Mõnussano, o homês. Gheddeano. o mininos. Таõбê se ajũta ao vocat. sing. por causa de honra: como sennaino; sõr mestre. Padrino sõr Padre. <...> re, senaõ are <...> serve tambê particula de Reprêder, ou mostraa sentimento ou agastamento <...>. Quando referimos pessoas mui graves, & autorizadas na oraçaõ uzamos de hũa particula, sri, ut sry IESU suami o senhor IESU. Aho serve pera quando falamos cõ gente muyto grave, & se acrescenta ao ga, aho, ga, suamino, tambê pera muita mais honra, & gente mais grave, se acrescenta ao, ga alem do aho, hũa particula, zi, a qual se poê as vezes cõ ga, & as vezes se elle, ut aho zi sua-

mia, ola meu senhor <...>. A gente baixa, em lugar de todas estas interjeições de chamar uzaõ entre sy pera chamar da particula, ou letra, o, ut o Francisca o Francisco [Estêvão 1640: 16–16v].

Как видим, в миссионерских грамматиках коммуникативному аспекту уделено значительное место. Однако внимание к этой стороне намечается еще в одном типе учебных грамматик живых языков – национальных литературных языков.

Как уже отмечалось, проблематика дискурса затрагивается и в грамматике португальского языка как иностранного Б. Перейры. Эксплицируя необходимость создания адресованного иностранцам учебного описания португальского языка, Перейра имеет в виду практическое обучение языку в целях коммуникации в различных ситуациях, связанных как с евангелизацией обитателей новооткрытых территорий, так и с торговлей: «Eo, quo semper exarsi meæ nationes amore dolebam vehementer quòd cum omnes ferè Europæ nationis habuerunt dictionaria satis locupletia, sola natio Lusitana, quæ nulli sive literarum, sive armorum exercitiis fecunda est, proindè que nostra lingua quæ fanè vocabulorum opulentissima est, non sine decore inops reputaretur. Cùm verò in me patriæ amor, <...> quiescere, haberè que commercium cum omni natione quæ sub coelo est, <...> vehementèr dolui carere Lusitanos arte, qua suam linguam exteris addiscendam proponant. <...> ex facilitate addiscendæ nostræ linguæ, ut exeri, sive mercatores suis opibus nos ditent, & nostris ditentur, sive concionatores pervadant usque ad fines Orbis, seu Lusitani imperij, ubi nationes barbaras veris Evangelij divitiis locupletent» [Pereira 1672: ã6–ã6v].

Примечательно отличие грамматики Б. Перейры и от грамматики Барруша – одного из первых опытов кодификации португальского языка, и от «Грамматического метода для всех языков» Робореду – параллельного описания португальского и латыни в целях обучения именно латыни, которая, как было отмечено выше, не выполняла полноценных коммуникативных функций. Не отходя от традиционной классификации наречий и представляя близкую к той, что мы видим у Барруша, Б. Перейра приводит гораздо больший репертуар дискурсивных слов со сходными значениями. Так, у Барруша мы находим два «наречия утверждения» (*certo, sy*) и два «наречия отрицания» (*nam, nem*), а у Перейры, соответственно, восемь (*Assim he, Sim, Aozadas, Certamente, De veras, na verdade, Convem a saber, verdadeyramente*) и девять (*Nam, ainda nam, De nenhum modo, Em nenhuma maneyra, Nomays, Nada menos, Nada, Tampouco, Nunca jamays*). Робореду не считает нужным, за немногими исключениями, давать португальские аналоги латинских наречий: «“advérbios de acção exterior” e “advérbios de acção e paixão”»¹, «usadas para perguntar, responder, afirmar, negar, mostrar, duvidar» [Roboredo 1619: 194–196], в то время как Б. Перейра приводит множество португальских наречий, местоимений, междометий, конструкций, выступающих в указанных функциях (Перейра относит их к наречиям), поясняя их латинскими аналогами. Это подтверждает понимание автором важности коммуникативной тематики в учебной грамматике португальского как иностранного языка: «Sunt & alia adverbiorum genera quibus indicamus nostros affectus, & significamus varias actiones, v.g. adverbia optandi Ose! Osi! Oxala! utinam, o quem me dera! O utinam. Praz a Deos, velit Deus, placeat Deo! Affirmandi: Assim he sic res se habit, Sim ita, etiam, Aozadas maximè, Certamente certè, De veras, ou na verdade quidem, Convem a saber scilicet, verdadeyramente sane, profecto. Adverbia negandi sunt Nam non, ainda nam nondum, De nenhum modo nullo modo, Em nenhuma maneyra Nequaquam, Nomays Non amplius, Nada menos nihil

¹ В их описание включены и междометия.

minus, Nada nihil, Tampouco haud, Nunca jamays haudquaquam <...> Adverbia demonstrandi Exaqui ecce, Alem disto insuper, Vedes aqui En, Ecce, Finalmente tandem, Por derradeyro denique, Dali adiante ex tunc, Desde ex quo, Eylo aqui Ecce. Adverbia dubitandi, Por ventura forsan, A caso forsitan, Pode ser que fortassis, Quiça, ou Quiçays forte. Adverbia interrogandi, Como? quare, Porque rezam? Quid ita, A que proposito? Cur, Paraque? ad quid, Que? Quid» [Pereira 1672: 178–180].

В отличие от других авторов описаний португальского языка Б. Перейра обращается к специфике речевого этикета – особенностям функционирования местоимений при обозначении второго участника коммуникации [Pereira 1672: 37–38].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изменения социокультурного и социолингвистического контекста в Португалии XVI–XVII вв. определили целый ряд инноваций, важнейших для дальнейшего развития лингвистической мысли: разработки социолингвистической проблематики (вопросов нормы, апологии национальных языков), описания всех уровней языковой системы, утверждения идей универсальной грамматики, зарождения представлений об исторических изменениях в языке, становления современных принципов лингводидактики.

В период, предшествующий Пор-Роялю, возрастает внимание ко все увеличивающемуся количеству различных живых языков, причем не только к их системам, но и к их функционированию.

Важная черта лингвистики в рассматриваемую эпоху – внимание к проблематике звучащей речи, которое находит отражение в двух типах памятников: в сочинениях, фиксирующих норму народных языков, и в грамматиках, написанных с целью обучения живым иностранным языкам.

Авторы учебных грамматик (прежде всего, миссионерских), создававшихся для обучения успешной коммуникации на иностранном языке, выходят за пределы представления этой тематики, какой она была со времен Античности (в основном описание соответствующих наречий), и обращаются к более широкому кругу вопросов дискурса, коммуникативно-функциональной проблематики. Сочетание внимания к семантике и прагматике с интересом к уровню предложения и – выше – сверхфразового единства в диалоге приводит в практике описания языков к обращению (разумеется, на эмпирическом уровне) к некоторым важнейшим сторонам теории речевых актов: особенностям речевого акта, реализуемого в конкретной коммуникативной ситуации, особенностям адресата, иллокутивной цели высказывания. В сочинениях Аншьеты, Фигейры, Эштейвана, Б. Перейры представлены средства организации диалогической речи, средства экспрессивности, социальных характеристик участников коммуникации, маркеры отношения говорящего к собеседнику, к теме коммуникации.

Совпадение интереса к проблематике дискурса в миссионерских грамматиках языков Индии и Бразилии и в грамматике португальского языка для иностранцев объясняется сходными задачами этих сочинений, предназначенных для обучения их адресатов иностранному языку в целях успешной коммуникации во всем многообразии коммуникативных ситуаций. С одной стороны, это отличает такие грамматики от сочинений, кодифицирующих формирующийся национальный язык, адресованных носителю этого языка, который вполне владеет его дискурсивными средствами и не нуждается в специальном практическом их освоении. С другой стороны, грамматики живых «экзотических» языков и португаль-

ского как иностранного отличаются и от грамматик латыни¹, обучение которой хотя и предусматривало еще ее использование в сфере устного общения, но лишь в определенных ситуациях, характеризующихся узостью как социального круга возможных участников, так и предмета коммуникации и в силу этого требовавших знания достаточно ограниченных коммуникативных средств. Только авторы грамматик, предполагавших обучение контактам с представителями различных социальных групп в самых разных коммуникативных ситуациях, должны были уделять значительное внимание проблематике дискурса.

Задача обучения коммуникации явилась одной из причин² изменений канона грамматического описания в сочинениях миссионеров.

В историографии языкознания вполне признано значение миссионерских сочинений для становления идей универсальной грамматики и типологии. Однако необходимо, кроме этого, принять во внимание и роль грамматик живых языков («экзотических» и национальных) в зарождении представлений о дискурсе, функционально коммуникативной грамматике. Эта инновация также определяет значение рассмотренного типа грамматик в истории языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

Дейк 2005 – *Дейк Т.А. ван*. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.

Демьянков 2005 – *Демьянков В.З.* Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка // Язык. Личность. Текст: Сборник к 70-летию Т. М. Николаевой / Под ред. В.Н. Топорова. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.

Карасик 2002 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Квадратура 1999 – Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / Под ред. П. Серию. М.: Прогресс: 1999. 416 с.

Косарик 1995 – *Косарик М.А.* К проблеме традиции и инновации в истории языкознания. Ренессансная и современная лингвистические парадигмы – связь эпох // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 1995. № 5. С. 104–116.

Косарик 1998 – *Косарик М.А.* Теория и практика описания языка (на материале лингвистических сочинений Португалии XVI–XVII вв.): Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1998.

Косарик 2000 – *Косарик М.А.* Описание языка в эпоху становления лингвистики Нового времени – роль португальской традиции // *Res Philologica* – II. Филологические исследования: Сб. статей памяти академика Г.В. Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919–1999). СПб., 2000. С. 89–114.

Косарик 2004 – *Косарик М.А.* У истоков современных воззрений на язык: Амару де Робореду, полузабытый португальский грамматист XVII в. // *Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура*: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 773–784.

Косарик 2013а – *Косарик М.А.* Вопросы синтаксиса в португальских сочинениях о языке XVI–XVII вв. // *Древняя и Новая Романия*. 2013. Т. 11. № 1. С. 88–114.

Косарик 2013б – *Косарик М.А.* Описание языковой системы в ранних лингвистических памятниках Португалии. Т. I: Фонетика. Морфемика. Морфология именных частей речи. М.: МАКС Пресс, 2013. 228 с.

¹ Отметим, что грамматика Б. Перейры была написана на латыни, что в рассматриваемую эпоху позволяло адресовать ее максимально широкому кругу иностранных читателей.

² Наряду с другими причинами, в частности – значительными отличиям описываемых языков от латыни.

Косарик 2013с – *Косарик М.А.* Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке. М.: МАКС Пресс, 2013. 208 с.

Косарик 2013d – *Косарик М.А.* У истоков современного понимания основ лингводидактики // Романские языки и культуры: от античности до современности. VII международная научная конференция [28–29 ноября 2013 г.]: Сб. материалов. Электронное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. С. 205–214.

Косарик 2015а – *Косарик М.А.* Внимание к коммуникативному аспекту языка в португальских грамматиках XVI–XVII вв. // Древняя и Новая Романия. 2015. Т. 15. № 1. С. 119–131.

Косарик 2015b – *Косарик М.А.* Отказ от иерархического видения языков в португальской лингвистике XVI – XVII вв. // Древняя и Новая Романия. 2015. Т. 16. С. 162–171.

Altman 2011 – *Altman C.* A descrição das líguas ‘exóticas’ e a tarefa de escrever a história da linguística // Revista da ABRALIN. 2011. № 10(3). P. 209–230.

Álvares 1572 – *Álvares M.* Emmanuelis Alvari [...] grammatica libri tres. Olyssipone: Ioannes Barrerius, 1572.

Anchieta 1595 – *Anchieta J. de.* Arte de grammatica da lingua mais usada na costa do brasil [...]. Coimbra: Antonio de Mariz, 1595.

Barros 1540 – *Barros J. de.* Grammatica da lingua portuguesa. Dialogo em louvor da nossa linguagem. Olyssipone: Apud Lodovicum Rotorigiũ, 1540.

Batista 2005 – *Batista Ronaldo de Oliveira.* Descrição de línguas indígenas em gramáticas missionárias do Brasil colonial // DELTA. 2005. Vol. 21. № 1. P. 121–147.

Buescu 1983 – *Buescu M.L.* Carvalhão. O estudo das línguas exóticas no século XVI. Lisboa: Instituto de Cultura e Língua Portuguesa & Ministério da Educação, 1983.

Camacho 2006 – *Camacho R.G.* Gramática, formalização e discurso // Estudos Linguísticos. 2006. № 35. P. 3–26.

Cavaleiro 1516 – *Cavaleiro E.* Nova grammaticae Marie Matris Dei Virginis ars. Lisboa: Valentim Fernandes, 1516.

Clenardo 1538 – *Clenardo N.* Institutiones grammaticae latinae. Bracara: Sumptibus Guilhermi a Traiecto, 1538.

Estêvão 1640 – *Estêvão T.* Arte da lingua Canarim [...]. Rachol: Collegio de S. Ignacio da Companhia de Jesu, 1640.

Faria 1624 – *Faria M.S. de.* Discursos varios politicos [...]. Evora: Manoel Carvalho. 1624

Figueira 1621 – *Figueira L.* Arte da lingua brasilica. [...]. Lisboa: Manuel da Silva, [1621?].

Fonseca 2006 – *Fonseca M. do Céu.* Historiografia lingüística portuguesa e missionária. Proposições e Posposições no Século XVII. Lisboa: Edições Colibri, 2006. 400 p.

Hernández 2000 – *Hernández C.S.* Los relatores discursivos en el Arte de la lengua mexicana de H. Carochi // Las gramáticas misioneras de tradición hispánica (siglos XVI–XVII). Bajo la dirección de Otto Swartjes. Amsterdam; Atlanta: Rodopi, 2000. P. 17–27.

Hengeveld 2008 – *Hengeveld K., Mackenzie J.L.* Functional Discourse Grammar: A Typologically-based Theory of Language Structure. Oxford University Press, 2008. 448 p.

Kossarik 2015 – *Kossarik M.* Universalização de conceitos linguísticos como etapa da consolidação da ciência – contribuição dos filólogos portugueses // Confluência, Revista do Instituto da Língua Portuguesa. Rio de Janeiro, 2015. № 49. P. 162–200.

Kossarik 2001 – *Kossarik M.* Questões de fala nas obras linguísticas portuguesas dos séculos XVI e XVII // Veredas. Revista da Associação Internacional de Lusitanistas. Porto. Fundação Eng. António de Almeida. 2001. № 4. P. 295–320.

Kossarik 2002a – *Kossarik M.* A tradição portuguesa no contexto da linguística europeia // História da Língua e História da Gramática. Actas do Encontro / Head: Brian F.; Teixeira José; Lemos Aida Sampaio; Barros Anabela Leal de; Pereira António (orgs.). Braga: Universidade do Minho, 2002. P. 181–203.

Kossarik 2002b – *Kossarik M.A.* A obra de Amaro de Roboredo. Questões de historiografia linguística portuguesa // Roboredo A. de. *Methodo Grammatical para todas as Linguas* / Edição de Marina A. Kossarik. Lisboa: Imprensa nacional-Casa da Moeda, 2002. P. 7–63.

Kossarik 2003 – *Kossarik M.* Monumentos linguísticos portugueses dos séculos XVI e XVII // *Confluência*. Rio de Janeiro, 2003. Nº25–26. P. 93–174.

Kossarik 2016 – *Kossarik M.* Early Portuguese Treatises and the Case of Scientific Paradigms. Interparadigmatic periods and the two hyperparadigms in linguistic history // *Tradition and Innovation in the History of Linguistics* / C. Assunção, G. Fernandes, R. Kemmler (Eds.). Nodus Publikationen Münster, 2016. P. 176–185.

Lancelot 1846 – *Lancelot C, Arnauld A.* Grammaire generale et raisonnée de Port-Royal [...]. Paris: Hachette, 1846.

Leite 2011 – *Leite M.* *Quadros*. Considerações sobre uso e norma na Gramática Portuguesa – O *Methodo Grammatical para todas as Linguas* (1619), de Amaro de Roboredo // *Filologia e Linguística Portuguesa*. 2011. Nº 13(2). P. 337–368.

Oliveira 1536 – *Oliveira F. de.* Grammatica da lingoagem portuguesa. Lisboa: Germam Galhardo, 1536.

Pereira 1643 – *Pereira F.* Arte de grammatica latina [...]. Lisboa: Lourenço de Anueres. 1643.

Pereira 1672 – *Pereira, B.* *Ars grammaticae pro lingua Lusitana addiscenda latino idiomate*. Lugduni: Laurentius Anisson, 1672.

Resende 1540 – *Resende A. de.* L. Andreae Resendii de verboru(m) coniugatione commentarius. Olissipone: Apud Lodovicũ Rhotorigium, 1540.

Roboredo 1619 – *Roboredo A. de.* *Methodo grammatical para todas as linguas* [...]. Lisboa: Pedro Graesbeeck, 1619.

Roboredo 1625 – *Roboredo A. de.* Grammatica latina de Amaro de Roboredo mais breve e fácil que as publicadas até agora na qual precedem os exemplos aas regras [...]. Lisboa: Antonio Alvares. 1625.

Roboredo 2002 – *Roboredo A. de.* *Methodo Grammatical para todas as Linguas* / Ed. de Marina A. Kossarik. Lisboa: Imprensa nacional-Casa da Moeda, 2002. (Filologia portuguesa)

Rosa 1997 – *Rosa M.C.* Línguas bárbaras e peregrinas do Novo Mundo segundo os gramáticos jesuítas: uma concepção de universalidade no estudo de línguas estrangeiras // *Revista de Estudos da Linguagem*. Belo Horizonte. 1997. Nº 6(2). P. 97–149.

Sacristán 2000 – *Sacristán C.H.* Náhuatl y español en contacto: En torno a la noción de sincretismo // *Teoría y práctica del contacto: el español en América en el candelero*. Vervuert Verlagsgesellschaft, 2000. P. 61–72.

Sanchez 1587 – *Sanchez F.* Francisci Sanctii Brocensis [...] Minerva: seu de causis linguae latinae. Salmanticae: Renaut, 1587.

Sanchez 1595 – *Sanchez F.* *Verae breuesque grammatices latinae institutiones*. Salmanticae, 1595.

Sánchez 2008 – *Sánchez P.* Arte de Grammatica, pera em breve saber latim (edição facsimilada). Edição: Centro de Estudos em Letras Universidade de Trás-os-Montes e Alto Douro. Braga: Barbosa & Xavier, Lda. Artes Graficas, 2008. (Coleção Linguística 3)

Sousa 1535 – *Sousa M. de*. *Institutiones tum lucide, tum compendiose, latinarum literarum, tradite dialogo [...]*. Coimbra: Caenobium Dive Crucis, 1535.

Swiggers 1997 – *Swiggers P.* *Histoire de la pensée linguistique. Analyse du langage et réflexion linguistique dans la culture occidentale, de l'Antiquité au XIXe siècle*. Presses Universitaires de France (PUF), 1997.

Távora 1566 – *Távora F. de*. *Grammatica hebraea novissime <...>*. Conimbricæ: Apud Ioanem Aluarum, 1566.

Winkler 2007 – *Winkler P.* *The Birth of Functional Grammar in the 'Austronesian School' of Missionary Linguistics // Lingüística Misionera III. Vol. 111: Morphology and Syntax. Selected papers from the Third and Fourth International Conferences on Missionary Linguistics, Hong Kong; Macau, 12–15 March 2005, Valladolid, 8–11 March 2006 / O. Zwartjes, G. James, E. Rídruejo Alonso (Eds.)*. John Benjamins Publishing, 2007. P. 329–344.

Zwartjes 2002 – *Zwartjes O.* *The Description of the Indigenous Languages of Portuguese America by the Jesuits During the Colonial Period: The Impact of the Latin Grammar of Manuel Álvares // Historiographia linguistica*. 2002. Vol. 29. № 1–2. P. 19–70.

Zwartjes 2005 – *Zwartjes O., Altman C.* *Missionary Linguistics II = Lingüística misionera II. Orthography and Phonology: Selected Papers from the Second International Conference on Missionary Linguistics, São Paulo, 10–13 March 2004*. Amsterdam: J. Benjamins, 2005. 292 p.

Zwartjes 2007 – *Lingüística Misionera III. Vol. 111: Morphology and Syntax. Selected papers from the Third and Fourth International Conferences on Missionary Linguistics, Hong Kong; Macau, 12–15 March 2005, Valladolid, 8–11 March 2006 / O. Zwartjes, G. James, E. Rídruejo Alonso (Eds.)*. John Benjamins Publishing, 2007. 357 p.

Zwartjes 2011 – *Zwartjes O.* *Portuguese missionary grammars in Asia, Africa and Brazil, 1550–1800*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2011. ... p. (Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science III; Studies in the history of the language sciences 117).

Zwartjes 2012 – *Zwartjes O.* *The Historiography of Missionary Linguistics. Present State and Further Research Opportunities // Historiographia Linguistica XXXIX*. 2012. № 2/3. 2012. P. 185–242.

REFERENCES

Kossarik M.A. On the Problem of Tradition and Innovation in the History of Linguistic Studies. Renaissance and Contemporary Linguistic Paradigms: Two Epochs' Bondage. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 1995. No 5, pp. 104–116.

Kossarik M.A. (2013) *The Description of Language System in Early Portuguese Treatises on Language*. Vol. I: Phonetics. Morphemics. Morphology of Nominal Parts of Speech. Moscow. MAKS Press Publ. 2013. 228 p.

Kossarik M.A. (2013) *Renaissance Portuguese Treatises on Language: Sociolinguistic Aspects*. Moscow. MAKS Press Publ., 2013. 208 p.

Kossarik M.A. Syntax Problems in Portuguese Linguistic Theses of the 16–17th. *Ancient and New Romagna*. 2013. Vol. 11. No 1, pp. 88–114.

Kossarik M.A. Communicative Focus in the 16–17th century Portuguese Grammars. *Ancient and New Romagna*. 2015. Vol. 15. No 1, pp. 119–131.

Kossarik M.A. The Description language in the Epoch of New Time Linguistics – the Role of the Portuguese Tradition. *Res Philologica – II. Philological Studies. Collection of Articles of in Memory of Academic V.G. Stepanov. On the 80th Anniversary of his Birth (1919–1999)*. St.-Peterburg, 2000, pp. 89–114.

Kossarik M.A. The Role of 16–17th century Portuguese Linguistic Tradition in Abandoning the Hierarchical View on Languages. *Ancient and New Romagna*. 2015. Vol. 16. P. 162–171.

Kossarik M.A. (1998) Theory and Practice of Language Description (on the Material of Linguistic Works Portuguese of the 16–17th centuries]. Thesis for a Doctor of Philology. Moscow.

Kossarik M.A. Treatises of Duarte Nunes de Leão as a Manifestation of the Historical Approach to Language for the Renaissance Linguistic Formation. In memoriam E.M. Wolf / RAS. Moscow. 1997, pp. 108–116.

Kossarik M.A. Some Sources of Modern Linguodidactic Conceptions. In: Selected Papers from the VII International Conference «Romance Languages and Cultures: from Antiquity to Modernity». November 28–29, 2013, Moscow. Network Edition. Moscow. Moscow State University Press. 2015, pp. 205–214.

Kossarik M.A. To the Source of Today's Views on Language: Amaro de Roboredu, Half-forgotten Portuguese Linguist of 17th c. In: Hidden Sense. Word. Text. Culture. Moscow. 2004, pp. 773–784.

Сведения об авторе:

Марина Афанасьевна Косарик,
докт. филол. наук
профессор
заведующая кафедрой романского языкознания
(roman@philol.msu.ru)
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina A. Kossarik,
Doctor of Philology
Professor
Head of the Department of Romance Linguistics
(roman@philol.msu.ru)
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
olissipo@yandex.ru